

АРХИТЕКТОР И УЧЕНЫЙ

Велики заслуги Тороса Тораманяна перед родным народом, и потому с такой любовью отмечает народ столетие со дня рождения своего достойного сына.

Тораманяна называли Комитасом армянского зодчества. “Он величественный певец наших величественных памятников прошлого”, – говорил о нем Аветик Исаакян. До Тораманяна армянская архитектура мало кому была известна. Сведения случайных путешественников, посещавших Армению, были неполными, а нередко и неправильными. “Наше искусство несправедливо забыто”, – говорил Тораманян. Неутомимый ученый-архитектор всю свою жизнь посвятил изучению и сохранению памятников армянской архитектуры и сделал их достоянием всего человечества.

Родился Торос Тораманян в 1864 году в турецком городе Шапин-Гараисар. Окончив школу, он уехал в Константинополь с целью изучать архитектурное искусство. Но тяжелые материальные условия вынудили юношу зарабатывать на жизнь. Лишь в 1893 году он смог закончить художественное училище и добиться осуществления своей мечты – стать архитектором.

После окончания училища Тораманян строит в Константинополе одно здание, затем уезжает в Болгарию, где в течении 1896-1900 годов выполняет заказы богатых армян. Желая усовершенствоваться в своем искусстве, он едет в Грецию, Египет, Париж, слушает лекции видных ученых, изучает античное искусство, знакомится с памятниками древности.

В 1903 году ему представляется случай не только посетить родину, но и навсегда связать с ней свою жизнь. С археологической экспедицией, организованной редактором издающегося в Париже журнала “Банавеч” (“Диспут”) Карапетом Басмачяном Тораманян едет в Ани. Предполагалось, что поездка продлится четыре месяца, но Тораманян остался тут надолго. Чрезвычайно тяжелые материальные условия не сломили его. Он участвует в раскопках экспедиции академика Н. Марра, производит обмеры, изучает историю некогда великолепного города.

Незадолго до того, в 1900-1904 годах, некий священнослужитель из Эчмиадзина – Хачик Дадян – по собственной инициативе провел раскопки в Звартноце и нашел развалины храма. Дадян поручил Тораманяну по результатам раскопок составить план храма. Дальнейшие раскопки ведутся уже под руководством самого Тораманяна, который не только составляет план, но и восстанавливает общий вид храма. Однако этот проект Звартноца был принят современниками с недоверием. Архитектора обвиняли в

том, что он, не будучи знаком с армянским церковным зодчеством, осмелился представить храм не двух, а трех-ступенчатым.

Проект Тораманяна был отвергнут также официально приглашенным в Эчмиадзин известным архитектором К. Тер-Саркисяном.

“В в его словах, – писал Тораманян, – я чувствовал насмешку и пренебрежение... Я сказал ему: “Вы видите меня запачканным в муке, но не принимайте меня за мельника... Как я могу думать иначе, когда существуют реальные факты, подтверждающие мои выводы?”

Вскоре Тораманяну представился блестящий повод для реванша. При раскопках в 1905-1906 годах в Ани Н. Марром были найдены сравнительно хорошо сохранившиеся развалины храма царя Гагика, построенного в XI веке, который, по свидетельству историка Асогика, повторял архитектуру и размеры Звартноца. Нашлась также небольшая модель этого храма, что полностью подтвердило правильность реставрации, сделанной Тораманяном.

Тораманян был первым, кто изучил армянскую архитектуру, создал ее научную историю. Его исследования и труды о широко известных памятниках армянской архитектуры представляют большую научную ценность. К числу их можно отнести “Храм в Текоре”, “Багаранский св. Тадеос”, “Гагкашен св. Григор”, исследования об архитектуре Ани, серию статей: “Материалы по истории армянского зодчества”, “К вопросу о возникновении, развитии и взаимовлияниях армянской архитектуры” и др.

В воспоминаниях Аветика Исаакяна можно найти интересные высказывания Тораманяна об искусстве, о теории архитектуры.

“Наш народ еще в древнейшие времена создал определенные традиции, рожденные его национальной стихией, и всегда развивал их, всегда прибавлял к ним новое. Он многое заимствовал и от соседей – персов и Междуречья, слил со своим собственным. ...И таким путем, ценою вековых усилий и поисков, был создан армянский стиль зодчества”.

И затем: “Обретя реальные формы, наш стиль засиял во всей яркости и неповторимости. Дары нашего искусства достигли Балкан, Византии, Италии, Германии, Франции. Наши монахи-беженцы, наши мастера из Тондрака, а также чужеземные завоеватели уходя уносили с собой эти дары, становившиеся источником вдохновения и подражания для византийского и даже арабского искусства”.

Тораманян стремился свои исследования сделать достоянием мировой научной общественности, опровергнуть ошибочные теории относительно армянского зодчества, бытующие в трудах зарубежных исследователей. Он едет с этой миссией в Европу, договаривается с известным австрийским ученым Стржиговским о совместном издании книги по тысячелетней истории армянского зодчества. Оставив в Австрии все, что было собрано им для этого огромного труда, Тораманян возвращается в Армению за новыми

материалами. Но первая мировая война помешала ему вернуться в Европу. В эти тяжелые дни часть ценных исследований Тораманяна пропала. Однако Стржиговский вместе с двумя своими ассистентами Генри Глюком и Леоном Лисицяном на основе материалов Тораманяна подготавливает и издает в 1918 году обширный двухтомный труд “Армянское зодчество и Европа” на немецком языке. Эта книга произвела подлинную революцию в истории архитектурного искусства. В ней освещались многочисленные вопросы архитектуры, подчеркивалась роль армянского зодчества в возникновении и развитии многих еврейских направлений в архитектуре.

Наследство Тороса Тораманяна – это целая школа, у него учились и учатся многие современные исследователи архитектуры. Ныне они продолжают развивать лучшие традиции армянского зодчества.

“Литературная Армения”, 1964, N 5, с. 87-89.